ПОЭТОГРАД

Народная литературная газета

№ 33 (238)
Август
2016

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Выдающийся поэт России Самуил Маршак

Открытие культурного центра Евгения Степанова «Сосновый Пегас»

Дни и Ночи Литературного института

Жители Поэтограда Борис Колымагин Григорий Оклендский

К 95-летию со дня смерти А. Блока — вольные размышления о «Вольных мыслях»

Атланты Поэтограда Нина Краснова об Андрее Вознесенском

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

САМУИЛ МАРШАК (1887—1964)

* * *

Т. Г.

Люди пишут, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи, — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

СОСНОВЫЙ ПЕГАС

В подмосковном поселке Быково (Раменский район) 8 августа открылся культурный центр Евгения Степанова «Сосновый Пегас».

На первом мероприятии новой организации выступил известный автор-исполнитель, популяризатор поэзии Сергей Светлов, которые представил свои новые диски.

О своем творчестве рассказал поэт и гончарных дел мастер Илья Калашников, проживающий в соседнем поселке Ильинский.

Затем гости Культурного центра читали свои стихи и прозаические произведения.

Евгений Степанов рассказал о планах Культурного центра, который теперь будет проводить свои мероприятия ежемесячно.

Сергей КИУЛИН, фото автора

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Олег Юрьев. Стихи и хоры последнего времени М.: «НЛО», 2016

Татьяна Стамова. Геометрия стрекоз М.: «Водолей», 2016

Ольга Михайлова. Путешествие к можжевеловому закату М.: «Вест-Консалтинг», 2016

РЕПЛИКА ИЗДАТЕЛЯ

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПЕРЕФРАЗИРУЯ КЛАССИКА

Нужно пытаться писать такие стихи, чтобы их было трудно (а лучше — невозможно!) напечатать. То, что напечатано, то разрешено. А значит, это уже умеренность. А поэзия и умеренность — это антонимы.

Евгений СТЕПАНОВ

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ПОЭЗИИ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года. Основан в 2004 году в Саратове. С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлабо-тонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов. Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ДНИ И НОЧИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

К двухлетию рубрики

В наши странные, если не сказать, кричаще дикие дни, когда навыки добросовестной, то есть, кропотливой и не политиканствующей литературной работы сохраняет лишь несколько изданий федерального уровня, уместно привести еще один пример бескорыстного подвижничества на ниве собирательства литературных камней, а не разбрасывания их или, того хуже, пристрастного коллекционирования.

Летом 2016 года исполняется два года рубрике «Дни и Ночи Литературного института», инициированной поэтом, главным редактором журнала для семейного чтения «День и Ночь» Мариной Саввиных и выпускником Литинститута, поэтом, преподавателем истории и литературы московской школы № 1861 «Загорье» Александром Орловым.

О мотивациях

Циники, которых развелось в отечественной словесности с приходом «рыночных» времен какое-то совершенно несообразное количество, скажут — ну и что? Региональный журнал поддерживает статус, публикуя известных и не известных литераторов.

Специально для этих людей, очевидно, потерявших всякое разумение, придется бросить колоду на стол. Рубашками вниз.

Марине Саввиных ведение рубрики совершенно «не надо»: журнал финансируется краевой администрацией на вполне определенных условиях. Второй вопрос — зачем это надо школьному учителю Александру Орлову? Гонораров за собирание рубрики он не получает; отягощенный выпускными и не выпускными, в том числе кадетскими классами, ЕГЭ и ГИА, он вполне мог бы заниматься только собой, а постороннее и довольно муторное дело бросить. Но он почему-то этого не сделал. Почему? Идея.

Оба этих человека и литератора, Марина и Александр, ведомы десятки тысяч раз проклятой, развенчанной, но не убитой идеей Литинститута, затеянного более 80 лет назад в качестве силы, деятельно преобразующей стандарт современной словесности.

О фактах

Шесть раз в год собирая «пакеты» литинститутской стихов, прозы и публицистики, редакторы рубрики убедились в многообразии литинститских типов: есть мастера, есть выпускники, есть студенты, а есть талантливейшие «не закончившие» — увы, многие из прекрасных литераторов издревле не доходят до получения диплома, ибо не организованы, ленивы во всем, что не касается писания стихов. Какие уж тут четкие и неукоснительные соблюдения учебных и иных графиков! Воля, Москва, песни одиноких!

Но разве не достоин рубрики яростный филигранный поэт Амирам Григоров? Трижды и семижды — достоин, и так же достоин ее каждый переступивший порог Литинститута и всей последующей жизнью в словесности доказавший ей и пригодность, и преданность.

Более того, при собирании рубрики в журнал попали прекрасные московские поэты Дмитрий Мельников и Сергей Брель, поразительно одаренный и еще совсем молодой прозаик Дмитрий Филиппов из Санкт-Петербурга.

Промежуточные итоги

Рубрика живет, поскольку Литинститут поистине неисчерпаем.

За два года среди ученков мастеров, попавших в «Дни и Ночи Литературного института», — С. Н. Есин, В. А. Костров, Г. Н. Красников, М. П. Лобанов, О. А. Николаева, О. О. Павлов, А. Е. Рекемчук, Г. И. Седых, А. П. Торопцев. Со стихами, прозой и публицистикой выступили преподаватели института А. К. Антонов, И. И. Болычев, В. А. Костров, О. П. Лисковая, О. А. Николаева, А. С. Орлов, Б. Н. Тарасов, А. П. Торопцев.

И, конечно, рубрика радостно приняла молодое поколение — выпускников и студентов института, начинающих и восходящих все выше и выше прозаиков, поэтов и критиков.

В их числе — Константин Алексеев, Олег Будин, Дарья Верясова, Марина Вахто, Екатерина Вучина, Александр Евсюков, Арсений Замостьянов, Дмитрий Иващенко, Василий Киляков, Ольга Козель, Ольга Кутанина, Максим Лаврентьев, Александр Логунов, Наталья Мамлина, Ашот Манасян, Роман Ненашев, Алексей Рудевич, Тамара Сафарова, Константин Скворцов, Андрей Тимофеев, Михаил Тяжев, Анастасия Чернова, Мария Шамова, Екатерина Ратникова, Сергей Шулаков.

Уже скоро именно эти имена будут значимыми и, в противовес ярко вспыхивающим коммерческим однодневкам, слава которых определена размерами инвестиций в их «продажи», скажут свое слово и о стране, и о мире.

Для тех, кто не уместился в рубрику, открыл двери такой раздел журнала, как «ДиН Дебют». В нем с посланиями граду и миру выступили «литовцы» Александра Гангур, Елена Воробьёва, Рафаэль Ярошевский. Там же представила свой роман студентка семинара Александра Рекемчука и будущая лауреатка премии им. В. П. Астафьева Елена Безызвестных.

«Дальше, дальше»

Не стоит думать, что какая-либо журнальная рубрика может существовать вне внутренне продуманной идеологии. Задача «Дней и Ночей Литинститута» — убедить читающую публику в том, что идея Горького, как бы озлобленно ни выли порой в прессе противники Литинститута, призывающие закрыть его навсегда, не просто жива, но максимально точно отражает состояние умов и душ сегодняшних людей, говорящих на русском языке. Да только ли их...

Законно опасаясь того, что подвижничество Марины Олеговны и Александра Владимировича пройдет мимо стремительно вымирающих и потому занятых своим выживанием литературоведов, я взял на себя дерзость сконцентрировать их внимание на нем. Да только ли на нем!

Сергей АРУТЮНОВ

АНОНС ПОЭТОГРАДА

НОВЫЕ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ»

10 августа подписан в печать № 6 (134), 2016, газеты «Литературные известия».

Газета поступит подписчикам в течение двух недель.

В номере напечатаны следующие материалы:

1. Сергей Киулин. Фестиваль «Солнечный берег словесности» прошел в Болгарии и Греции
2. Сергей Киулин. Сосновый Пегас
3. Глеб Пузыревский. Новые «Дети Ра»
4. Пресс-служба магазина www.litlavka.ru. Бестселлеры Литлавки
5. Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг». Эти книги скоро появятся в магазинах
6. Юрий Хрычёв. «Новые сонеты». Стихотворения
7. Александр Карпенко. Рецензия на сборник стихотворений Сергея Бирюкова «Окликание»
8. Марианна Марговская. Рецензия на сборник стихотворений Анны Гальберштадт «transit»
9. Эмиль Сокольский. Рецензия на сборник стихотворений Ольги Михайловой «Все перемешалось»
10. Марианна Марговская. Рецензия на книгу прозы Александра Файна «Дороги, жизнь»
11. Мария Леонова. Рецензия на книгу Гоар Рштуни «И это все про нас...»
12. Мария Леонова. Рецензия на книгу Irena Ssans «Москва. Милан. Майами»
13. Эмиль Сокольский. Рецензия на сборник стихотворений Александра Вепрёва «Мой взгляд не сгибается в локте, или Случай с Шаляпиным»
14. Ольга Михайлова. Железные дороги приближают будущее
15. Марианна Марговская. Рецензия на учебник Л. Н. Федотовой «Связи с общественностью: теория и практика»
16. Марианна Марговская. Рецензия на сборник стихотворений Юрия Михайличенко «Горб»
17. Наталья Габриэлян. «Александр Мень». Отрывок из книги «Несмотря и вопреки»
18. Ная Цой. «Утешитель». Стихотворение
19. Юлия Филанова. «Дано повториться». Стихотворение
20. Владимир Коркунов. «Before you». Стихотворение
21. Ингрид Кирштайн. «Сребролуние из Уолтера де ла Мар». Стихотворение
22. Евгений Степанов. «И сад сияет белизной». Стихотворения
23. Елена Литинская. «Разноцветная Америка». Записки библиотекаря
24. Реклама. Издательство Евгения Степанова
25. Евгений Степанов. Тридцать лет в Болгарии. Фото автора

Сергей КИУЛИН

БОРИС КОЛЫМАГИН

БОРТЕНЕВСКОЕ СРАЖЕНИЕ*

Борис Колымагин — поэт, прозаик, критик. Родился в 1957 году в Тверской области. Окончил отделение критики Литературного института им. А. М. Горького. Живет в Москве.

*
22 декабря 1317 года у села Бортенево под Старицей произошло сражение, в котором тверской князь Михаил Ярославич разбил объединенное войско московского князя Юрия Даниловича и татарского темника Кавгадыя, вторгшегося в пределы Тверского княжества. Это была первая значительная победа русских над золотоордынцами. Орда не простила Михаилу Ярославичу своего позора. Он был вызван в 1318 году на ханский суд, после которого заключен в колодки. Через месяц Михаил Тверской был убит людьми Юрия Даниловича и Кавгадыя. Князь знал, что его ждет смерть, и все-таки предпочел добровольно пойти на казнь, сохранив тем самым жизни тысячам своих подданных на Тверской земле. Ведь откажись он ехать, Орда прислала бы огромное карательное войско, нещадно разрушающее все на своем пути.

Противостояние двух княжеств — это не только противостояние святости и прагматики. По словам Бердяева, собирание земель вокруг Москвы привело к созданию православного ханства. Тверь, ориентированная на Запад, давала альтернативные возможности русской истории. Да, впереди были бы и кровь, и жестокая борьба за власть, словом, все ужасы средневековья. Но Русь, как геополитическое понятие, оказалась бы немного ближе к европейским странам, чем при победе Москвы.

1. Набросок

Шоша разлилась, быстрые мутные воды, кустарник. Враги переходят овраг:

Жадные московские рати
Хотят тверичей пояти.

Они пришли за данью, пришли грабить и убивать. Княжеская дружина Михаила Ярославовича на бугре встречает объединенное войско москвичей и татар:

О Русь моя, умрем теперь:
За нами Тверь!

Профессор Александр Сорочан ведет участников конференции «Миг как сюжет» по желтой глине, по разбухшей дороге.

Бобры в хатках. Зимуют. Добрые глаза бобров — можно представить.

Серо. Небо серое, снега немного, оттепель 22 декабря 1317 года.

Поле вылезает из осинников и болот на косогор, прячет воинов в мелком кустарнике.

Тверская идентичность. Не ордынская Азия, а дорога на Запад. Стрела — символ полета. И поклонный крест.

2. Полотно

Река течет в болотах гиблых
Коричневой поет водой
И в снах тревожных и безвидных
Грустит о сечи стержневой.

За Шошей тьмы и тьмы Востока
Ордынской конницы напор
И с ними москвичи — жестоко
Святой Руси наперекор.

Они уже ползут по гати,
Им крест и правда — нипочем.
Но встали княжеские рати,
Архангел Михаил с мечом.

Но встала Тверь, и слышны трубы,
И благодать на благодать,
И светел лик, и сжаты губы —
Тонка истории тетрадь.
О Тверь моя, игра престолов,
Столица праведной борьбы
И бесконечных проговоров,
И канареечной судьбы.

3. Послесловие

Мы сидели с тобой у костра
Мы сидели с тобой до утра
И увидели смешные глазки бобра.
Он нырнул в свою хатку,
Мы — в палатку.

Было или снилось?
Пряталось и проявилось.

Бой в середине болот,
Точное слово — вот.
Вот — мы стоим у реки.
Вот — москвичи,
Наступают враги
И в небе круги
В тумане,
В обратной яме.
Миг как сюжет,
Как тверской раритет.
Клубится рассвет.
Серое низкое небо,
Серый пригорок,
Глины пласты.

Я и ты.

ГРИГОРИЙ ОКЛЕНДСКИЙ

МОНОЛОГИ

Григорий Оклендский — поэт. Детские и школьные годы провел в Белоруссии, студенческие — в Ижевске, лучшие — в Новосибирском Академгородке. Затем стажировка в НГУ, аспирантура, диссертация и работа в Сибирском отделении АН. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований и разработкой информационных систем здравоохранения. Более 20 лет живет и работает в Окленде, Новая Зеландия. Профессиональные интересы — информационные технологии и базы данных, руководство проектами. Автор двух поэтических книг: «Время собирать...» (2010 г., Ижевск) и «Время стихов» (2014 г., Москва), многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях. Член СП XXI века. Финалист 7-го Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская Лира» в Бельгии, 2015 г. Лауреат Международных Литконкурсов «Смех без границ», 2015 г. и «О любви...», 2016 г.

Дорогие мои старики!..

Я хотел бы забросить дела и махнуть к вам хотя б на полгода,
Чтобы с толком, с умом,
не спеша насладиться забытой свободой...
Мы бы вспомнили жизнь по годам —
как прекрасен мир детства и светел,
Как война подошла к рубежам, разрушая мечту на планете...
Как смотрели отчаянью в глаза (а ночами им грезилось лето)
Богом избранны вечно страдать всего мира еврейские дети...
Как война изменила судьбу, как судьба обернулась любовью...
Вот ваш первенец в детском саду,
вот в невестах счастливая Соня...
Вот второй народился пацан (говорят, что мечтали о дочке!)
Своенравный — кричал «А я сам!», а его наряжали в платочек...
Всем, с кем нас ни сводила судьба,
мы грехи б отпустили без сплетен.
Я, полжизни своей отмотав, никого ближе вас и не встретил.
Вы сейчас мне дороже, родней — у меня уже выросли дети,
И забвенье родимых корней бумерангом влетит на рассвете...
Я хочу, чтоб вы жили всегда, как всегда в моей жизни вы жили!
Чтоб, сменяя друг друга, года никогда нас бы не разлучили...
Опыт сзади, а жизнь впереди —
есть в ней место покою и счастью...
Так зачем раны мы бередим и обиды лелеем к ненастью?
Прослезитесь с улыбкой в глазах,
улыбнитесь слезинкою мудрой!
Вечер жизни стоит на часах, за которым рождается утро!
Здравствуй, утро! — а сердце болит...
Все птенцы из гнезда улетели,
Но гнездо родовое хранит всех заблудших —
от горьких метелей...
«Прилетайте, родные птенцы! Мы всегда младо-щебету рады!
Иногда, но дарите цветы,
пусть любовь будет высшей наградой.
Пусть и дети, и внуки живут в добром здравии,
мир наполняя...»
Я — последний в семье баламут, свою голову низко склоняю...
Боги мудрые вас берегут, только дети порой огорчают.

Одинокая всходит звезда... Мы сидим на скамейке под вязами.
Лунный свет приоткрыл закрома
и засыпал все небо алмазами...
На глаза навернулась слеза —
уплывает корабль в страну Радости.
Не до сна... Лет до ста Вашей старости!

Баллада о первой любви

Колокольным звоном оглушенный,
Вспоминаю первую любовь...
Тот, кто хоть однажды был влюбленным,
Пусть сегодня вспоминает вновь...

Я, наверное, не к сроку, но пишу тебе письмо... Как мы бегали с уроков через парк вдвоем в кино... И стояла эта осень — в позолоте купола... Мне семнадцать! Неба просинь! И кружится голова!
Я любил, любил впервые... Белым снегом занесло все тропинки... Белый иней разукрасил губ пушок. Мерзли... Грелись по подъездам (память юности остра!), называл тебя невестой так давно... и так — вчера... Не забыть пьянящий запах зимней шапки из песца... Как неопытно, без страха, жадно губы целовал... Миг казался бесконечным... обнимал тебя за плечи, согревал своим теплом... Посреди сугробов снежных я дарил тебе всю нежность и стихи писал тайком...
Я, наверное, сегодня напишу тебе письмо... Помнишь, вечер новогодний — мы вдвоем с тобой в кино? Холод зрительного зала, где полно свободных мест... Мы коленками касались и в обнимку ели кекс... Та любовь горела ярко, обожгла меня дотла... Уцелела лишь тетрадка, где безумные слова поднимались над строкою, запекались под дугой, и холодною весною догорели — дым трубой... Ты прости, что отболело — не случилось, не сбылось... Улетели птицы в белом, кто-то вместе, а мы — врозь... На прощанье лето пело нам ароматом поля спелого, шелком льющихся волос... Запах мяты, запах клевера, грудь распахнутая, смелая... Танец плачущих берез...

Колокольным звоном оглушенный,
Вспоминаю первую любовь...
Тот, кто хоть однажды был влюбленным,
Пусть взгрустнет и улыбнется вновь...

Сизифов труд

Я б хотел увидеть сон. Будто я, живущий клон, по другой пошел тропе, что у камня на развилке, поменял бы все в судьбе с легкомысленной ухмылкой. И другая улыбнулась мне удача на пути, а возможно, все б вернулось на круги... круги свои. И случайно повстречав самого себя однажды, ночи напролет бы каждый говорил о прожитом — убеждая и ревнуя, и трезвея, и волнуясь... Без оглядки «на потом». Беспощадно, без прикрас, сам с собою — пробил час!

И не истиной бумажной, а всем опытом души — понял я, что жизнь прекрасна та, которую прожил! Что нельзя соединить две судьбы в тугую нить! Где густая тень от пальмы, и сугробов тишина. Океана лик овальный, и подснежников страна. Вырвать горькие страницы, черновик переписать, улететь за Синей Птицей — то ли к морю, то ли вспять... в юность, где тебя не ждут, не дано — Сизифов труд...

... ...

Нету сна. И нету клона. Я иду — наверх, по склону...

ТРАГИЧЕСКИЕ ДАТЫ ПОЭТОГРАДА

КОРОЛЬ И ПРИНЦ

К 95-летию со дня смерти А. Блока — вольные размышления о «Вольных мыслях»

Александр Блок гимназист, 1898 год

В поэзии нет королей; избрание их от века носит шутовской характер.

Каждый раз, когда одна мимолетная эпоха избирает себе *потешного*, другая норовит подвергнуть его сан снисходительному сомнению. Понятно, почему: истинный образ поэта — наследный принц, коронация которого откладывается на неопределенный и, чаще всего, роковой срок. Поэт *претендует*, но никогда не властвует. Всякая власть, полученная им над умами, сомнительна: его *предписано* уважать лишь потому, что он сын короля, но стоит королю ослабеть, отречься или погибнуть, первой жертвой борьбы за трон падает наследник — точно так же, как было с Дмитрием Угличским.

В подобном архетипе недостаточно видеть одно гамлетовское начало с неминуемо присущим ему оскорблением целым бытием — напротив, следует чувствовать всю без исключения тектоническую расстановку сил, в которой поэт — «всего лишь наследник» и, значит, будущий *агнец-закланник*, а король — либо Господь, либо Природа, претендовать на власть над которой — непомерная дерзость.

Именно из-за «наследного» статуса поэт постоянно не уверен в себе, витает в мечтах, грани которых обрываются в многокилометровую пустоту, чаще созерцает, нежели действует, и если вступает в область действия, то непременно трагического.

Александр Блок, святыня сотен и сотен тысяч интеллигентов, обрел мученический покой без пяти годов сто лет назад. Имя его звучит сегодня сквозь мириады иных человеческих наименований нечасто, и само звучание его кажется глуховато неуместным, хотя струны, задетые им в русской душе, в эпоху второй русской буржуазии несомненно центральны: тоска, томление и ярость остаются свидетельствовать о национальном отчаянии, охватывающем страну в периоды отсутствия иных целей, кроме накопления частных богатств.

Тем не менее, Блок, как и многие, современностью чтим, но вряд ли читаем. С розой в руке и соловьем на плече, он то ли «паладин Прекрасной Дамы»-Софии, предтеча русской мистики, голову которой, по иронии, свернула как раз «Софья Власьевна», нетерпимая к идеологическим конкуренткам, то ли и впрямь реинкарнация Гамлета, решившаяся на самоубийственный выпад в «Двенадцати».

Нынешняя узость рассмотрения блоковского наследия одна способна привести к отчаянию: общество поистине ослепло и оглохло, когда первейший поэт XX столетия услужливо выведен чуть ли не дамским угодником, недалеким погонщиком юбок.

Один из последних споров о нем запечатлен фильмом «У озера» (1969) устами Шукшина (руководитель комбината Черных): «Спасибо Блоку, что Россию любил, что понимал ее во все времена, что от революции не шарахнулся».

Сегодня этого меньше, чем мало: мы не понимаем Блока, потому что он кажется нам понятным; мы не знаем тех его стихов, где он сказался гораздо более, чем в постоянно цитируемых и оттого превращенных в некие «мантры».

Александр Блок (слева в первом ряду) среди чинов 1913-й инженерно-строительной дружины.

Но и сегодня, под спудом высказанного, Блок цветет в избранном соловьином саду, и лепестки его отливают и инфернальным фиолетом *(гаршиновским багрянцем?)*, и небесной лазурью. Цикл же «Вольные мысли» (1907) в литературоведении почти не упоминается.

Пушкинская мысль, развиваемая с первых же строф (ср. «Все чаще я по городу брожу» — «Брожу ли я вдоль улиц шумных»), дает нежданные плоды, обозначая вековую — и веховую — дистанцию между мироощущениями людей, обреченных одной судьбе — раннему познанию бытия и такой же ранней смерти.

Итак, Блок:

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Пушкин:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

— почти дословно то же самое. Но вывод... Пушкин в предпоследней строфе смущенно, не именуя Бога, молитвенно просит, почти как Лермонтов в «Выхожу один я...»:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

— в бытовом переводе, «хочу лежать с родными».

Блоку же, чтобы набрести на *собственную, отличную* от пушкинской мысль, приходится развернуть притчу о жокее, упавшем на его глазах с лошади:

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремена,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —

1907-й

И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

— Блок любуется ипподромной драмой, завидуя тому, кого постигла мгновенная смерть — мнится, предчувствуя, что собственная кончина будет мучительной, но *мечтательность трупа* выглядит здесь типично аберративной — кто бы еще мог подметить ее, кроме *мечтающего*?

Вторая притча об упавшем в воду и, видимо, умершем, заканчивается странным гимном — не бытию, как может показаться, но инаковости, не дающей возможности долгого пресыщения благами бытия:

Сердце!
Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.
Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

— что кажется продолжением чуть ли не первой реплики Гамлета королю (пер. М. Лозинского):

Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,
Ни бурный стон стесненного дыханья,
Нет, ни очей поток многообильный,
Ни горем удрученные черты
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня; в них только то,
Что кажется и может быть игрою;
То, что во мне, правдивей, чем игра;
А это все — наряд и мишура.

Блоковскому «сибаритству» (пить вино, целовать женщин, петь песни и слушать ветер) верится недолго — до той

Продолжение на стр. 5

РЕКЛАМА

ТРАГИЧЕСКИЕ ДАТЫ ПОЭТОГРАДА

КОРОЛЬ И ПРИНЦ

К 95-летию со дня смерти А. Блока — вольные размышления о «Вольных мыслях»

1916-й

А. Блок (справа) с семьей на отдыхе. Шахматово, 1909-й

1909-й

Окончание. Начало на стр. 4

черты, за которой беззаботный юноша, любимый сын столичной богемы, превращается в разочарованного «безумной жизнью» желчного соглядатая чужих «побед». Поэт не может не предчувствовать означенного перелома; «...мысли» пророчествуют о нем так:

Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир.

Вглядываясь, обнаруживаем знакомые знаки: «могилу» и «светлую дорожку» — дихотомические символы выбора между «вечной смертью» и «побегом» в вечность. «Неподвижность» намекает на уже воздвигнутый *monumentum*. Умиляет выбивающееся из размера подчеркнуто нарциссическое свойство «стройности».

Поэт ожидает встречи, противоборства и победы, и предреченная, она абсолютно мистична — ему не важно, кто встретится с ним, — значение, придаваемое встрече, превышает условность, и потому он сам нарекает женскую сущность:

Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!..

— но вот уж наготове другой соперник, ничтожный перехватчик возвышенных вожделений, «самозванец»:

А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел.. . он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

— особенно этот «протяжный чмок» выдает в глазах несбывшегося любовника всю пошлость свершившегося на его глазах, но речь, конечно же, идет о даре, который не принесен добровольно, но отнят, и, что оскорбительнее, показательно.

Пубертатно истерическая реакция в ответ:

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий.
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...

— то, что поведение «ограбленного» явственно отливает бесовством, лирическому герою в голову не приходит: он — «голубой крови», и оскорблен, как сюзерен, которому не досталась его законная «первая ночь»! Из «высшей» *Теклы* отдавшаяся обществу пошляка превращается в простонародную Фёклу, преступно не оценившую дара.

Но что же дарит принц? Чем его подношение отличается от офицерской и любой иной? Он взрастил в себе *способность* к возвышенному служению, но Мир отвергает его, и это изначальный мотив оскорбления.

Чего же жаждет «принц»? Власти над умами и душами? Обладания некими подтверждающими такую власть инсигниями? Другого подтверждения состоятельности? Скорее всего — инициации.

«О доблести, о подвигах, о славе» Блок мыслит в ситуации *полного* бездействия, пассивного пития у *трактирной стойки*, визитов к доступным женщинам, созерцания бытовых бедствий. Этот порог принц Гаутама переступил в том же возрасте, отправившись в бесконечные странствия по духовным пространствам, населенным Добром и Злом.

Но Блок не вступает на эту тропу. Сценарий его борьбы за право инициации прописан детально:

Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

— кто этот суккуб? Кто угодно: женщина «Серебряного Века», раскрепостившаяся, очевидно, до полной невменяемости.

«Лучше» всего то, что по образу действий Она *равна* противнику — так же кидается первым попавшимся под руку, подчеркивая *обоюдное* зверство.

Что угодно, только не изящно истязающие диалоги с Офелией, — если так, с применением шишек и песка и ухаживали, то на заре времен. Давешний поручик в белом кителе выглядит гораздо более адекватным социальным нормам:

Я гнал ее далеко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был — как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

— чаемое желание именно такого «безумства» выглядит девиационным, последствием ранней травмы, связанной с промелькнувшим перед глазами насилием, детским бешенством, пустившим ростки в самом центре эротической личности.

Невольно вспомнится детство испанского инфанта Филиппа, «угрюмого угнетателя вольной Фландрии», описываемого эпизодами о давленых «с наслаждением» мухах и сожженной мартышке.

В советском наследии непредставим разговор о том, что поэт часто образован именно сексуальной травмой, а постсоветские попытки рассуждений ограничены точечными вторжениями в эту область. Лишь некоторыми из них приоткрывается завеса над ранней гибелью вследствие боязни брака и устойчивых отношений в принципе.

Блок, изувеченный не зарастающей пропастью между плотской и ментальной стороной любви, предпринявший трагически безысходную попытку воплотить ее согласно принципам раздельности плоти и духа, в «...мыслях» манифестирует любовь «свободную», не скованную «рабством»:

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Можно с некоторой долей уверенности утверждать, что именно поляризация представлений, выражаемая противостоянием и «браку», и любым обязательствам, приводит его самосознание к безвестной могиле, предназначенной, может быть, ему самому.

Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

— замечал ли он это противоречие, придя от нелюбви к «пустому словарю» к полной ему покорности?

Поэту 27, и его мечта о любви — бесконечно долгая травля «жертвы», вынуждаемой к «свободным» словам о сдаче. И это — знак грядущей гибели, не отличимой от «королевской милости».

Сергей АРУТЮНОВ

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

новая современная писательская организация, идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

КАК ВСТУПИТЬ?

Для того, чтобы вступить в Союз писателей XXI века, нужно направить заявление в Президиум, образцы творчества, заполнить анкету (см. сайт www.writer21.ru). В течение одного месяца Вам будет дан ответ.

КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА?

Члены Союза писателей XXI века имеют право публиковаться в изданиях Союза (не реже одного раз в год), участвовать во всех мероприятиях СП, в том числе — в Гостиной СП XXI века, которая проходит в ЦДЛ.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ СВОЕГО ВЕКА!

КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Вступительный взнос составляет 5 тысяч рублей (для граждан РФ) и 200 евро (для резидентов зарубежных стран). Ежегодный взнос составляет 1000 рублей (для граждан РФ) и 50 евро (для резидентов зарубежных стран).

Для жителей СНГ вступительный взнос — 150 евро, ежегодный — 50 евро. Вступительные взносы будут потрачены на создание каждому члену Союза писателей XXI века персональной WEB-страницы.

ЭЛ. АДРЕС ПРЕЗИДИУМА: GLAZOV_A.A@MAIL.RU

НИНА КРАСНОВА

ПОЭТ ВОЗНЕСЕНСКИЙ В ЕДИНСТВЕННОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

(Заметки о поэзии Андрея Вознесенского на примере книги «Casino “Россия”» и т. д.)

Продолжение. Начало в №№30-32, 2016

3.XI.1997

МАСЛЕНИЦА, БЛИН!

Андрей Вознесенский — во всем бесподобен и неподражаем! В том числе и в использовании лексики высокого штиля и в лексике низкого штиля! И в использовании лексики низкого штиля (по Ломоносову), как и высокого, он достигает необычайных художественных высот!

Браво, Андрей Вознесенский! Браво! Бис!

Про «БЛИН», как Андрей Вознесенский обыграл в своих стихах слово «блин», я уже говорила. Там баловство, игра поэта проявляется через обыгрывание слова «блин» в разных ипостасях. Есть в этом стихотворении, в манере обыгрывания слова «блин», что-то такое от считалочки:

Ты — блин, я — блин…

Стихотворение звенит, как бубенцы, бубенчики «троек», как балалайка, как колокол с колоколами и с красными праздничными звонами:

— Блин! Блин!
Полблина! Полблина!
Четверть блина!
На!

Моя матушка когда-то говорила мне, что в каждом селе колокола звонили на свой лад, на свой мотив. И у каждого мотива была своя «рыба», своя подтекстовка. Например, в Солотче, в самой главной церкви на все окрестности, в которой народу всегда было много, колокол звонил так:

Бы-ыллл да уше-о-лл,
Бы-ыллл да уше-о-лл,
Бы-ыллл да уше-о-лл,
Бы-ыллл да уше-о-лл…

(То есть колокол говорит: народ идет в эту церковь со всех сторон, молится здесь и уходит отсюда, и сюда идет новый народ, и он идет сюда в течение всего дня, и здесь все время много народу.)

В более удаленной от дороги церкви в селе Аграфенина пустынь, где народу было меньше, колокол звенит так:

Не то при-иидет, не то не-еет!
Не то при-иидет, не то не-еет!

(То есть колокол говорит: никто не знает, не то придет сюда народ, в эту церковь, не то нет.)

А в маленькой деревянной церкви села Заборье колокол звонит:

К на-аамм!
К на-аамм!
К на-аамм!

(Колокол отчаянно зазыват всех в церковку и говорит: народ, иди сюда, в эту церковь, иди к нам, а то здесь совсем мало народу, совсем никого нет.)

У каждого колокола свой характер и своя песня, своя мелодия.

Вот и в стихотворении Андрея Вознесенского колокол на Масленицу звонит на свой лад, на свой мотив, со своей подтекстовкой: блин, блин, блин!

Так и хочется воскликнуть! Ну блин! Как здорово обыграл Андрей Вознесенский слово «блин»! Нарисовал яркую, можно сказать — кустодиевскую — картину «Масленица» и озвучил ее! Картинка получилась яркая, веселая, праздничная: блины, как земные мини-солнышки, и катание на «тройках», и звон бубенцов, и звоны колоколов… Ну, блин, здорово!

Стихотворение играет всеми красками, всеми звуками! Потому что душа у поэта играет! Потому что у поэта, если говорить солотчинским языком моей матушки, детство в жопе играет! Если у поэта не играет душа и если в нем детство не играет, то никогда не заиграют и его стихи. Они получатся вялыми, серыми, скучными, мертвыми… В них не будет поэзии.

3.XI.1997

ДЕТСТВО И ДЕТСКОСТЬ В ПОЭТЕ

Только тот поэт — настоящий поэт, в ком детство играет! И только до тех пор он поэт, пока оно в нем играет! И пока ему интересно играть в свою игру, в поэзию, как ребенку интересно играть в свои игрушки и в свои игры, серьезнее чего для него ничего нет.

Поэты — люди без возраста. Вечные дети. Есенин говорил: «Все мы порой — как дети…»

Если на поэтов и на их стихи взглянуть с этой стороны, тогда быстрее и лучше разберешься, кто поэт, а кто нет. И тогда видишь, что Андрей Вознесенский — истинный, настоящий поэт! А кто ругает его, не воспринимает его поэзию и считает ее несерьезной и заумной и непонятной, тот просто не поэт в душе и не ребенок в душе. Это люди, которые перестали быть детьми. А поэты должны всегда оставаться детьми.

Григорий Виеру говорит: в каждом взрослом есть ребенок, в каждом взрослом есть детство. Но нет, не в каждом. В ком-то — есть, а в ком-то — нет. И в ком нет детства, тех можно только пожалеть. Им можно только посочувствовать. Потому что им недоступны главные радости жизни.

Самые лучшие на свете люди и самые лучшие на свете поэты — это те, которые в любом возрасте остаются детьми, которые не убили в себе своего детства, не лишились своей первозданности, своей чистоты, своей наивности, своего особого, непосредственного восприятия мира.

Кстати, по этому поводу Андрей Вознесенский пишет:

Мы убиваем в себе детство.
А детство потом, мстя (нам за это), убивает нас.

3.XI.1997

«АВЕ РАВЕ»

Героиня поэмы Андрея Вознесенского «Аве раве» (прообраз Ники Турбиной) — девочка-вундеркинд, у которой взрослые дяди отняли детство, взвалив на ее хрупкие плечи непосильное для нее бремя взрослых проблем. Девочка, которая шагнула из пеленок сразу во взрослость, миновав стадию детства. Это обернулось для нее жизненной трагедией. То, чего ей не хватило в детстве, она пыталась найти в наркотиках, она хочет уйти от взрослой жизни в какую-то фантастическую жизнь, в сказку, с помощью наркотиков, с помощью галлюцинаций, с помощью снов, в какую-то иную реальность, в нереальность. И наркотики — грибы наркотиков — съедают ее сердце. Только в снах, только в галлюцинациях ей хорошо:

Как хорошо в твоих цветных снах! —

говорит ей поэт. Поэт приходит к выводу: люди без детства — люди, в которых нет детства, — обреченные люди, несчастные люди, погибшие, конченые, пропащие люди.

Девочка оказалась одинокой и в мире своих сверстников, и в мире взрослых. И никому не нужной. Все от нее отвернулись и отшатнулись. Все покинули ее.

Она с горечью говорит им:

Что же вы все от меня шарахаетесь?
Вы что, накурились?
Это же я, ваша мисс Рейв,
которую вы любили,
вводили в компьютер, хотели трахнуть.
Я люблю вас и улыбаюсь вам всем.

И в конце концов она бросилась из окна вниз головой, с пятого этажа, и разбилась. Правда, не до смерти. Но вся перекалечилась. Поэт сочувствует ей и обвиняет взрослых в том, что они сломали ей жизнь. Он считает, что это они кинули ее с пятого этажа, когда все оставили, все покинули, кинули ее. Глагол «кинули» несет в себе двойную нагрузку, двойной смысл.

Она чем-то напоминает мне «Девочку в автомате» Андрея Вознесенского. О которой он говорит: моя «девочка в автомате» плачет от обиды, она мерзнет в своих туфельках, «кутаясь в тонкое пальтецо», и у нее «все в слезах и в губной помаде перемазанное лицо». Девочку все кинули. И «ей сегодня идти одной вдоль по улице ледяной». И он испытывает к ней чувство сострадания. И к девочке из своей поэмы «Аве раве» — тоже.

Как вы, взрослые, ее кинули,
экзальтированные вурдалаки!
Детство отнявши у вундеркинда,
все виноваты —
кураторши-куры, и дозы дури,
дельцы, раскручивающие феномен,
и весь итог мировой культуры
в тебе виновен, в тебе виновен.

Поэт передает весь ужас ее положения! И свой ужас от того, что случилось! Вот она лежит на асфальте, разбившаяся об асфальт:

Разбившийся ангел с улыбкою кино?
демон, лежащий для монтажа?

Весь ужас случившегося поэт вкладывает в следующие строчки, в следующие слова, в которых слышится крик его души в момент кульминации ужаса:

Господи, как они тебя кинули
с пятого этажа!

У меня от этого крика и ужаса мурашки по спине бегут! А в душе стоят слезы. И этот крик потом звучит у меня в душе эхом, усиливающимся эхом, по степени градации:

Господи, как они тебя кинули
с пятого этажа!

Господи! Как здорово поэт выразил свою боль от случившегося, и свое сострадание к бедной девочке! Это все передалось мне, и я плакала в этом месте поэмы. До того мне было жалко ее. Она разбилась, правда, не на смерть. Попала в больницу. И тогда нашлись люди, которые принесли ей цветы и гостинцы. Как маленькой девочке. Поэт заглядывает к ней в палату:

Бутон на тумбочке. Мандарины.
Мы все виновны, не разглядевши
под взрослой куклою вундеркинда
сердечко детское.

Во всей мировой поэзии я не знаю ничего более трогательного, чем история этой девочки с загубленной жизнью, с загубленным детством, с загубленным сердечком.

У меня сердце сжимается, когда я читаю поэму Андрея Вознесенского про эту «малолетнюю русскую леди», у которой, как у маленькой куколки, вместо настоящего сердца бьется искусственное сердце, «подсаженное сердце».

АТЛАНТЫ ПОЭТОГРАДА

НИНА КРАСНОВА

ПОЭТ ВОЗНЕСЕНСКИЙ В ЕДИНСТВЕННОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

(Заметки о поэзии Андрея Вознесенского на примере книги «Casino “Россия”» и т. д.)

Продолжение. Начало на стр. 5, 6

У Ники Турбиной есть стихи про «сломанную куклу (я помню их, не заглядывая в ее раннюю, самую первую книжку стихов):

Я как сломанная кукла, —

писала она о себе в 8 лет. А в 20 лет эту куклу «кинули» с 5-го этажа (кинули обстоятельства жизни и люди, которые поиграли в нее и бросили ее).

И вот врачи хотят починить героиню поэмы Вознесенского, эту мисс Рейв, как сломанную куклу. Подключают к ее сердцу искусственное сердце.

На койке больничный твой рот
искусанный.
Но вдруг не поздно восстановленье
сердцебиения неискусственного
путем искусственного сердцебиенья?

Поздно, поздно. И поэт понимает это. Но хочет утешить девочку.

Заканчивается поэма стихами, в которых есть что-то от колыбельной песенки, с помощью которой поэт как бы убаюкивает «малолетнюю русскую леди», похожую на «инфанту Веласкеса», и как бы подбадривает ее. Колыбельная эта звучит над кроватью девочки, как реквием над ее гробиком, над ее могилой. Жуткая колыбельная песенка:

— Помнишь, девочку убили?
Во дворе меня родили.
И мальчишкой подменили
В городишке масти треф…

Аве, рейв, сердечко, фантик?
Где тебя я видел раньше?
Может, ты была инфантой
У Веласкеса, мисс Рейв?

Помнишь, девочку убили… Девочку убили… В девочке девочку убили… В девочке детство убили. В девочке девочку убили…

У меня сердце щемит, ноет и плачет, когда я читаю эту поэму, эти строки… Плачет и сжимается от жалости к маленькой «инфанте», к «маленькой русской леди», похожей на инфанту. И бьется со скоростью (или в ритме) 200-300 и 1000 ударов в минуту. Такое действие оказывает на меня поэзия Андрея Вознесенского. И не только здесь, а вообще.

3.XI.1997

ЛИРИЧНЕЙШИЙ ПОЭТ ЭПОХИ

Кто-то говорит: Вознесенский — не эмоциональный, а рациональный, рассудочный поэт… головной формалист. У него все идет от головы…

А для меня Андрей Вознесенский — лиричнейший поэт нашего времени, не уступающий в этом своем качестве Сергею Есенину, и в чем-то превосходящий его. Лиричнейший и пронзительнейший поэт! Эмоциональнейший! Обладающий невероятной «добавочной энергией» и страшной силой воздействия на читателя. Рядом с ним все поэты нашего времени (я говорю обобщенно) кажутся мне холодными рыбами. Такой, что и некого поставить рядом с ним.

«Кого можно поставить рядом с ним?» Не со Львом Толстым, а с Андреем Вознесенским? Спрашиваю я сама себя (как Ленин спрашивал Горького). И сама себе отвечаю: некого. Некого поставить из поэтов рядом с Андреем Вознесенским и на одну доску с ним.

3.XI.1997

РОССИЯ — КАЗИНО

У детей — свои игры, у взрослых — свои. Вся жизнь — это игра. В которой кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Иногда шулер выигрывает, а честный человек проигрывает. Иногда по очень большому счету, по крупному. Как Герман в «Пиковой Даме» Пушкина или Чайковского. Кто-то играет, как играют в карты, кто-то — как в шахматы, кто-то — как в рулетку… Кто-то в этой жизни делает ставку на любовь, кто-то — на свой талант художника, кто-то — на карьеру… кто-то — на богатство и славу… бросая на кон все, что у него есть, кто — деньги, кто — честь и совесть, кто — юность и молодость свою и престиж… кто-то — какие-то свои принципы, мечты, идеалы, и рискуя всем на свете. И далеко не у всех есть возможность отыграться. Кто-то продувается в пух и прах, остается на нуле. И уже больше никогда не поднимется. Се ля ви. Такова жизнь. И главное в этой игре — не потерять душу, не проиграть душу. Об этом, собственно говоря, новая поэма Андрея Вознесенского «Casino “Россия”». Тысячи людей проходили по площади Пушкина, тысячи людей видели «часть московского пейзажа» — памятник Пушкину, а на его фоне — кинотеатр «Россия», а рядом с ним — казино, «необъятную страну Россию», но никому в голову не пришло соединить все это в одну цепочку, в один образ и сравнить Россию — с казино, «необъятную страну Россию», «широкую страну родную» — с гигантским казино, где днем идет большая, непрекращающаяся игра не на жизнь, а на смерть и где у каждого человека есть шанс все обрести и все потерять. Это могло прийти в голову только настоящему поэту, гению такого склада, как Андрей Вознесенский! И это пришло в голову только ему. Образ Россия-казино Вознесенского — вмещающий в себя всю эпоху России постсоветского времени — теперь станет в нашей литературе и в нашей жизни таким же нарицательным образом, как «птица-тройка» Гоголя. «И кто тебя выдумал?» Казино «Россия» — и кто тебя выдумал?

В казино кипят страсти. Игроки играют. Все играют, и умные, и дураки, «глупые», и героиня поэмы Рута Руднева.

«Женщина играет» — «Женщиной играют».

«Жизнь твою решает рикошетик риска —

шарик — шарик — шарикшарикшарикшарикшарикша…»

На видеоме эта фраза закручивается или раскручивается рулеткой и начинается фразой «выпало быть рикшей» женщине.

Тащи, кати, женщина,
колесо Истории.

(Продолжение в следующем номере)

РЕКЛАМА

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»: 13 лет на рынке культурных коммуникаций

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» (генеральный директор — экономист и писатель, кандидат филологических наук Евгений Викторович Степанов) работает на российском рынке с 2003 года. Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, Интернет-магазина www.litlavka.ru, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), альманаха «Илья» (выходит с 2000 года), Интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2007 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года), телекомпании «Диалог» (создана в 2012 году).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-сила» также издает альманах «Знание-сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 2000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), лауреат премии «Московский счет».

Мы предоставляем авторам полный спектр услуг — от издания книги до ее продвижения на книжном рынке! Авторы, издающиеся в холдинговой компании «Вест-Консалтинг», получают уникальные всесторонние возможности PR сопровождения в наших изданиях!

Как конкретно происходит работа с автором?

Вы присылаете рукопись в издательство. Наши эксперты дают ей оценку. Если рукопись соответствует законам рынка, мы издадим ее за счет издательства и сделаем известной, разместим для продажи в книжных магазинах! Если книга не коммерческая, мы готовы издать ее за счет автора или его спонсоров и обязательно прорекламируем, также разместим в книжных магазинах — то есть всегда возможны варианты!

Звоните нам по телефону: (495) 978 62 75 Адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru Сайт издательства: www.west-consulting.com.ru

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Региональная общественная организация "Союз писателей XXI века"

Учетный N

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Геннадий Русаков, Владимир Новиков, Виктор Соснора, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт», сайт журнала «Знамя» и др.

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru, http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Владимир Делба (Москва), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Иосиф Быковский
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Анна Розанова
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)